

— Ужъ не хочется,—сказала она съ лѣнливой усмѣшкой.

Никодимъ Павловичъ молчалъ. Онъ охмѣлѣлъ. Но вмѣсто облегченія, котораго онъ искалъ, новый приливъ тоски овладѣлъ имъ. Онъ бросилъ деньги Людмилѣ и, не глядя на нее, ушелъ.

„Скучно, очень скучно въ „Бѣломъ ресторанѣ“!—подумалъ онъ, широко шагая по гранитной панели главной улицы города.— „Но куда же мнѣ дѣться? Я не могу спать... Какъ мнѣ забыться? Вотъ шумить въ головѣ — это пріятно. Но мнѣ надо, чтобы мыслей не было, чтобы исчезла душевная боль. Простой символдай, кажется, будетъ дѣйствительнѣе“.—Извозчикъ! вези меня!

— Куда прикажете?

— Не разсуждай.

Онъ сѣлъ. Извозчикъ помчалъ его по темнымъ улицамъ. Фонари мигали, казалось, насмѣшливо. Никодимъ Павловичъ былъ увѣренъ, что и извозчикъ смѣется надъ нимъ. Этотъ подлый, жестокой смѣхъ изподтипка мучительно терзалъ его. Онъ вспомнилъ, что Людмила тоже смѣялась. Но, Боже, какъ смѣется теперь Ѳедоръ Игнатьичъ!

Онъ закрылъ лицо руками. Никодимъ Павловичъ находился въ полу-безсознательномъ состояніи и одно время не могъ рѣшить, ѣдетъ онъ, или взбирается по какой-то узкой, плохо освѣщенной лѣстницѣ...

XXIV.

Медленно падалъ снѣгъ. Рыхлые хлопья безпорядочно кружились въ воздухѣ и исчезали въ лужахъ. Небольшая площадь, съ одной стороны ограниченная полукружною оградой старинной церкви, а съ другой низенькими домишками и лавками съ овсомъ, дегтемъ, полушубками, скобянымъ товаромъ и красными поясами, хранила печальный видъ. У церковнаго подъѣзда стояли черныя дроги съ балдахиномъ въ серебряной мишурѣ. Лошади, покрытыя черными попонами, понурили головы. Краснолицыя лѣнтяи въ траурной отрепанной ливреѣ и трехуголкахъ сидѣли на ступенькахъ и зѣвали. Жалобный звонъ колоколовъ одинъ нарушалъ тоскливое молчаніе, въ которое погружена была сонная площадь заброшенной части города. Но этотъ звонъ только прибавлялъ тоски. Казалось, что здѣсь царство какого-то безграничнаго унынія и мертвящаго отчаянія. Никодимъ Павловичъ смотрѣлъ изъ окна питейнаго дома на площадь неподвижнымъ слезящимся взлядомъ. Лицо у него распухло, костюмъ весь былъ въ грязи.